

УДК 811.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2019-1-14-24

ОГОВОРКА КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ (МОНОЛОГ VS ДИАЛОГ)

Юлия Олеговна Завадская

студент филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. yuliya.zavadskaya.1997@mail.ru

SPIN-код: 6572-9220

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7894-7657>

ResearcherID: U-4726-2018

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

д. филол. н., профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. n.bogdanova@spbu.ru

SPIN-код: 67740937

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7652-0358>

ResearcherID: M-9042-2013

ScopusID: 56292096800

Статья поступила в редакцию 07.11.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Завадская Ю. О., Богданова-Бегларян Н. В. Оговорка как специфическая составляющая устной спонтанной речи (монолог vs диалог) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 1. С. 14–24. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-14-24

Please cite this article in English as:

Zavadskaya Ju. O., Bogdanova-Beglarian N. V. Ogovorka kak spetsificheskaya sostavlyayushchaya ustnoy spontannoy rechi (monolog vs dialog) [Slips of the Tongue as a Specific Component of Oral Spontaneous Speech (Monologue vs Dialogue)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 1, pp. 14–24. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-14-24 (In Russ.)

Исследование устной спонтанной речи любого языка невозможно без обращения к таким ее элементам, которые традиционной лингвистикой обычно оцениваются как «отрицательный» материал. Анализ входящих в этот перечень *речевых сбоев*, совершенных говорящими, носителями русского языка, представляется необходимым для создания максимально полной картины современного состояния разговорной речи и, соответственно, языка в представлении его носителя. В статье анализируются оговорки, относящиеся к разным уровням языка (фонетические, лексические, грамматические), а также обозначены возможные причины их появления. Исследование проведено на базе двух корпусов устной речи: корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД, преимущественно диалоги и полилоги) и блока речи медиков из «Сбалансированной аннотированной текстотеки» (САТ, исключительно монологи). Пользовательский подкорпус составил 250 единиц в контекстах и строго сбалансирован по соотношению диалогических и монологических текстов (126 и 124 соответственно). Можно заключить, что настоящее исследование опирается на материалы, которые в данный момент наиболее полно и адекватно отражают специфику устной спонтанной речи в ее живом проявлении, как монологическом, так и диалогическом / полилогическом. Кроме того, благодаря специфике корпусов, использованных в качестве источника материала, сделаны некоторые выводы о частоте появления оговорок отдельно в монологе и диалоге. Данное противопоставление двух форм живой

речи оказывается существенным фактором, по-разному влияющим на появление оговорок в речи говорящего. Анализ материала показал, что в монологе человек оговаривается чаще. Скорее всего, это связано со спецификой экспериментальной речи (речи на видимый диктофон), однозначно менее естественной по сравнению с повседневным общением информантов ОРД.

Ключевые слова: повседневная речь; звуковой корпус; речевой сбой; оговорка; монолог; диалог.

1. Введение

Важной и практически неизбежной особенностью устной спонтанной речи (СР) является наличие в ней так называемых *оговорок*. В традиционной лингвистике, ориентированной прежде всего на литературно-письменный язык, такого рода явления обычно объединяют под рубрикой «речевые сбои», и они редко становятся самостоятельным объектом изучения. Ср.: «В свете корпусной идеологии совершенно по-новому предстают приоритеты лингвистической теории. Теоретическая лингвистика последних десятилетий затратила огромные усилия на анализ сложных синтаксических явлений. Однако с точки зрения корпусного подхода эта работа не всегда полезна, поскольку многие такие явления в речевой реальности не обнаруживаются или обнаруживаются крайне редко. В то же время исключительно частотные явления устной речи, такие как *хезитации*, *речевые сбои* (курсив наш. – Ю. З., Н. Б.-Б.), регуляторные дискурсивные маркеры, парцелляции и т. д., практически не замечены лингвистической теорией» [Кибрик, Подлеская 2009: 27]. Чаще всего речевые сбои рассматриваются как досадная помеха, «замутнение» исходного языкового материала, доступного лингвистическому наблюдению [Кибрик, Подлеская 2007]. Однако исследование речевых сбоев и взаимодействующих с ними явлений (например, реакция на них говорящего и осуществляемая им самокоррекция, сочетание с другими элементами СР и проч.) дает бесценный материал для изучения механизма порождения речи и ее анализа в различных аспектах, в рамках не только лингвистики, но и смежных дисциплин (социо- и психолингвистики, логопедии и т. п.). Ср.: «Не подлежит сомнению, что с точки зрения речетворческих процессов (т. е. нашей речевой деятельности) ошибки речи особенно показательны: они-то и раскрывают механизм этих процессов; они зачастую дают ключ к пониманию причин исторических изменений в языке. Для настоящего лингвиста-теоретика, для которого вопросы “как” и “почему” являются самыми важными, ошибки речи оказываются драгоценным материалом» [Щерба 1958: 76]; «Смена ролей, повторы, наложения речи (*overlap*), прерывания собеседников, устные высказывания, выходящие за рамки отдельных предложений [Schegloff 2006: 1], и др.

явления устной речи, в том числе оговорки, создают необходимость формирования новых теоретических основ дискурса» [Blommaert 2011: 122]. Эти соображения и стали главной причиной обращения в настоящем исследовании к материалу оговорок в повседневной русской речи.

2. О понятии оговорки

Оговорка является одной из разновидностей речевого сбоя. С фонетической точки зрения, к нарушениям беглости речи (*disfluencies*) Д. Вердоник, М. Ройк и М. Стабей относят повторы, коррекции, фальстарты, незаполненные и заполненные паузы хезитации, неразборчивые высказывания, технические перерывы, смену ролей в диалоге [Verdonik et al. 2007: 3]. Надо полагать, оговорки находятся в числе именно таких явлений разговорной речи. При этом речевой сбой выступает в роли так называемого гиперонима по отношению к оговорке, охватывая случаи и грамматических (изменение форм падежа, числа, времени и т. п.), и фонетических (мена фонем, их добавление или удаление), и лексико-семантических ошибок (например, употребление наречия *завтра* вместо *сегодня*).

В толковых словарях русского языка оговорка чаще всего трактуется как «непроизвольная ошибка в речи; слово, фраза, ошибочно сказанные вместо других, нужных» [Ефремова 2005: 155; 2000: 298)]¹. В настоящем исследовании, вслед за В. И. Подлеской [Подлеская 2014], оговорка понимается следующим образом:

- фрагмент, который не имеет отношения к исходному речевому намерению говорящего. Например, человек произносит слово, фонетически близкое к задуманному, но по смыслу абсолютно неуместное, типа *закачать рукава* вместо *закатать рукава*. В лингвистике для такого феномена используется термин «малапропизм» – лексико-стилистическая ошибка, выражающаяся в замене одного слова другим, которое сходно по звучанию, но абсолютно неуместно по смыслу [Ивлева 2010: 148];
- последовательность звуков, которая вообще не является осмысленной. Например, *вместе мы вмесело шагали* вм. *весело шагали*. Чаще всего такое происходит под влиянием предшествующей звуковой последовательности; так, упомянутое *вмесело* возникло из-за того,

что ему предшествовало слово *вместе* и говорящий не успел перенастроить цепочку команд, которая должна была поступить артикуляционному аппарату. Лингвисты в таких случаях говорят об эффекте «прайминга» (активация специфических ассоциаций в памяти) (см., например: [Русакова 2012]).

Определения, представленные выше, можно дополнить другим, данным М. В. Русаковой: «Под речевым сбоем понимается широкий комплекс фиксируемых в речи явлений, оценка которых говорящими располагается в континууме от “так сказать по-русски невозможно” до “лучше было бы сказать по-другому”» [там же: 46].

3. Материал исследования

Настоящее исследование проведено на базе двух корпусов устной речи:

- корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) – преимущественно диалоги и полилоги (см. подробнее: [Asinovsky et al. 2009; Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017а; Русский язык... 2016]); для анализа из корпуса извлечено 126 контекстов с исследуемыми единицами;
- блок речи медиков (MED) из корпуса монологической русской речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) – исключительно монологи (см. подробнее о САТ: [Богданова и др. 2008; Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян и др. 2017б]); для анализа из корпуса извлечено 124 контекста с исследуемыми единицами.

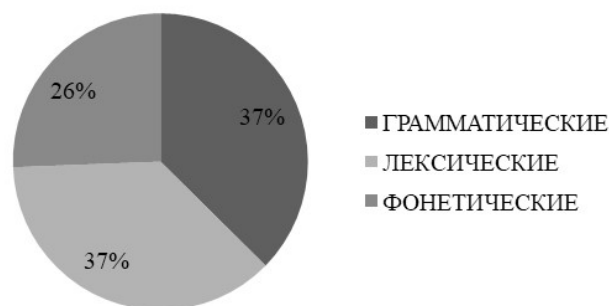
Таким образом, пользовательский подкорпус материала составил 250 единиц в контекстах и представляется вполне сбалансированным по соотношению диалогических и монологических текстов. Можно заключить, что настоящее исследование опирается на материалы, которые в данный момент наиболее полно и адекватно отражают специфику русской устной спонтанной речи в ее живом проявлении, как монологическом (САТ), так и диалогическом / полилогическом (ОРД).

4. Типология оговорок в устной спонтанной речи

На основе анализа материала пользовательского подкорпуса оказалось возможным выделить следующие разряды оговорок²:

- фонетические (изменение или деформация фонетической оболочки слова);
- лексические (замена «правильного» слова единицей с другим лексическим значением);
- грамматические (употребление неправильной формы слова).

Количественное соотношение выделенных разрядов представлено на рисунке.

Количественное соотношение разрядов оговорок в материале исследования
Quantitative Correlation of Categories of Slips of Tongue in the Research Material

Рассмотрим все эти разновидности в обоих типах речи – монологе и диалоге.

4.1. Фонетические оговорки

Фонетические оговорки являются самым «простым» в реализации речевым сбоем. Очевидно, что артикуляционный аппарат человека не может работать идеально и иногда дает сбои. Именно связь с артикуляцией и является основной причиной появления в речи оговорок, относящихся к разряду фонетических. Рассмотрим подробнее на примерах:

- 1) *значит затем он отправляется на лыжную погу... прогулку и непонятно для чего у него вместе с лыжами и с палками в руке / чемодан [САТ; И28Б, описание сюж.]³;*
- 2) *это старый пору... / полуразвалившийся дом / возможно там кто-то жил / но сейчас он оставлен и пуст [САТ; И22А, описание несюж.];*
- 3) *а(:) / это (...) москвичи ко мне приезжали / я почему спрашивала что тебя до... дома бу... будешь ты или нет // *П тут вот / ночью я их вписывала // и они накупили / *П какого-то конопляного пива // как оно *В / Хан... Х... Ханблютте / Ханплютте / не помню как называется [ОРД; И1]⁴.*

Данные примеры хорошо иллюстрируют суть фонетических оговорок и их возможные причины. В контексте (1) можно видеть, что говорящий «выкидывает» из слова *прогулка* сонорный /г/. Можно предположить, что в сознании информанта существует связь данного существительного с глаголом *погулять*, что и привело к появлению оговорки, которая, таким образом, может быть отнесена еще и к разряду лексико-грамматических речевых сбоев⁵.

Ошибочное употребление того же звука /г/ обнаруживается и в контексте (2). Однако при-

чины данной ошибки, как представляется, более очевидны. Слово *полуразвалившийся* уже содержит в себе /r/ в следующем слоге. Видимо, говорящий «готовится» к артикуляции данного звука и произносит его с некоторым опережением, осуществляя своеобразную *преднастройку*, связанную с прогнозированием речевой цепи (идея сформулирована Е. В. Ерофеевой в личной беседе). Такую причину можно охарактеризовать как влияние контекста. К тому же сонорные /l/ и /r/ обладают схожими характеристиками – это чисто фонетическое основание для речевого сбоя. Наконец, слово *полуразвалившийся* – достаточно длинное (7 слогов, при том что в среднем русское слово содержит не более 5 слогов [Уровни языка... 1986: 170]) и уже потому трудное для произнесения, что стало проблемой даже для информанта из группы А (с высоким УРК).

Подобная ситуация наблюдается и в примере (3), где человек пытается вспомнить (и в результате не только не припоминает правильного названия, но и вербализует эту проблему: *не помню как называется*) иностранное и, соответственно, малознакомое имя собственное (что уже является одной из причин оговорки) и заменяет правильный глухой /p/ звонким /b/. Стоит отметить, что такие замены достаточно частотны среди фонетических оговорок.

Из рисунка видно, что фонетические оговорки составляют более чем четверть (26 %) всего пользовательского подкорпуса, что свидетельствует об их высокой частотности в русской устной спонтанной речи в целом.

Показательными представляются и данные о средней частоте появления фонетических оговорок в диалогической и монологической речи. Так, общий объем исследуемой части корпуса ОРД составляет 131 059 словоформ (с учетом знаков расшифровки). Следовательно, средняя вероятность появления фонетической оговорки в диалоге равна 0,02 %. В монологической речи показатели несколько различаются: анализируемая часть корпуса САТ включает 42 222 словоформы, и, таким образом, частотность фонетических сбоев рассматриваемого типа – 0,08 %. Однако с учетом того что информантов в САТ оказалось практически в два раза больше, чем в ОРД, представляется логичным разделить полученный результат пополам. В итоге частота / вероятность появления фонетической оговорки в монологической речи составляет приблизительно 0,04 %, что в два раза превосходит аналогичный показатель по диалогу.

4.2. Лексические оговорки

Под лексическими оговорками мы понимаем такие речевые сбои, которые можно охарактеризовать как употребление *не того* слова, ср.:

- 4) *вот ты пос... обрати внимание / что (э...) постоянно с... слышится то / что компания делает для нас всё* [ОРД; ИЗ];
- 5) *Татьяну_Михайловну% / *П ой // Татьяну% / *П Николаевну% / я очень просила прийти / и выступить // *П она *Н / # у неё очень хороший / отзыв* [ОРД; Ж1 # И14]⁶.

Приведенные контексты иллюстрируют суть лексических оговорок. Так, в примере (4) говорящий заменяет показавшийся ему неправильным или неуместным в данном контексте императив *посмотри* на устойчивое словосочетание *обрати внимание*. В этом случае самоисправление можно считать в какой-то степени гиперкорректным: замена правильного на «еще более правильное».

Вполне объективно можно оценить причину оговорки в примере (5). Здесь говорящий (на этот раз не информант ОРД, а его коммуникант) ошибается в употреблении имени собственного (отчества) и исправляет себя (*Михайловна* заменяется на *Николаевна*). Надо отметить, что ошибки в использовании имен собственных достаточно распространены в повседневной устной речи.

Речевые сбои лексического характера составляют 37 % всего пользовательского подкорпуса (см. рисунок). При этом средняя вероятность появления такой оговорки в диалоге и монологе примерно одинакова: 0,03 и 0,04 % соответственно.

К возможным причинам появления лексической оговорки можно отнести также частотность слова, произнесенного по ошибке, в языке в целом. Наиболее информативным источником в этом плане является «Новый частотный словарь русской лексики» О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова [Ляшевская, Шаров 2009]. Для проверки гипотезы о влиянии частоты слова на появление оговорки были использованы данные этого словаря. Из 74 единиц пользовательского подкорпуса 57 (77 %) обнаружилось в данном частотном списке, что дало возможность провести соответствующую проверку. Рассмотрим примеры.

- б) *в центре картины / в св... в тени старых лип спрятался спряталась маленькая деревянная постройка // в виде погребка* [САТ; И29В, описание несюж.];
- 7) *действительно // картина / картинка не врал / солнце сияет // э э белоснежные склоны гор / просто манят* [САТ; И22А, описание несюж.];
- 8) *надо / использовать / этот совет // потому что что-то женщины не стали на него обращать внимание на работе / и / недолго думая он пошёл отправился в магазин* [САТ; И9Б, описание сюж.].

Примеры (6)–(8) иллюстрируют случаи первоначального выбора говорящим ошибочного (с разных точек зрения), но более частотного слова. Так, в контексте (6) информант в первый момент (машинально, автоматически, подсознательно) использует вместо правильного (действительно правильного в описании конкретного изображения!) слова *тень* его антоним *свет*, который оказывается в языке практически в десять раз частотнее: 219.2 vs 22.7ipm (instances per million words).

В следующем примере (7) говорящий использует подряд два однокоренных слова (*картина* и *картинка*), которые различаются семантически. Данный пример – из корпуса САТ, информант описывает рисунок Х. Бидструпа «Здоровый отдых», который невозможно назвать *картиной* в том значении, которое дается словарями⁷. Существительное *картинка* («иллюстрация, рисунок в книге или отдельный рисунок») [Ожегов, Шведова 1999: 654] представляется более уместным в этом контексте, почему информант и производит коррекцию. И снова слово *картина* оказывается несколько более частотным, чем *картинка* (68.0 vs 49.1), что и могло спровоцировать подобную оговорку.

Наконец, в последнем примере (8) говорящий вместо намного более частотного глагола *пойти* (1936.5) использует в ходе самокоррекции его малочастотный синоним *отправиться* (11.3). Вероятно, это связано со спецификой корпуса САТ: человек выполняет некоторое речевое задание, говорит на видимый диктофон и потому старается говорить лучше, чем обычно, без нужды демонстрируя богатство своего лексикона (срабатывает «эффект микрофона»)⁸.

Видно, что во всех случаях более частотное слово произносится первым, автоматически, как лежащее на поверхности ментального лексикона говорящего (*воспроизводится*), а менее частотное – после некоторых ментальных усилий (*производится*).

В пользовательском подкорпусе были обнаружены и случаи оговорок прямо противоположного толка, при которых говорящий сначала по каким-то причинам употребляет менее частотное слово, а затем заменяет его на более употребительное, ср.:

- 9) *окружив дерево мы долго ждали по... / когда кот спустится вниз* [САТ; 11А; пересказ сюж.];
- 10) *угу // @ кусочек мяты ! @ вкусный / он (...) в пластмассовой / прозрачной (...) упако... коробочке такой ... # ой слушай / а у меня шампанское кончилось !* [ОРД; И4#Р1#Ж1].

Частотность союза *пока* из примера (9) составляет 356.6, а союза *когда*, употребленного в качестве более «правильного» и удовлетворившего говорящего, – 2315.7. Заменяв союз, информант фактически перестроил и грамматику всей фразы: союз *пока* требовал бы отрицательной формы сказуемого в придаточном предложении: *ждали, пока кот не спустится*. После замены *пока* на *когда* отрицательная форма предиката перестала быть необходимой. Здесь лексическая оговорка начинает пересекаться с грамматической (см. ниже п. 4.3).

В примере (10) женщина-информант начинает произносить слово *упаковка* (13.9), но обрывает себя и отдает предпочтение более частотному существительному *коробочка* (23.9). Последнее существительное оказывается не только более частотным, но и более конкретным: уменьш. к «небольшой ящик (из картона, жести и т. п.), обычно с крышкой» [МАС 1986: 105] vs «какой-то материал, обшивка, тара и т. п., в которые упаковывают вещи, товары» [МАС 1988: 500]. Конкретизация *упаковки* сопровождается еще и употреблением изобразительного прагматического маркера⁹ *такой*, который «появляется в речи, когда говорящий чувствует необходимость в характеристике, оценке предмета, но не может выразить ее самостоятельным словом <...> или когда говорящий дает дополнительную оценку при описании» [Шклярчук 2018]. Не исключено, что использование этого маркера сопровождалось еще и некоторыми жестами говорящего, что, впрочем, можно только предполагать.

Количественный анализ показал, однако, что такие случаи редки и 91 % лексических оговорок совершается с заменой более частотного слова, которое первым «приходит на язык» говорящему (автоматически воспроизводится), на менее частотное (сознательно производится).

4.3. Грамматические оговорки

Под *грамматическими оговорками* в настоящей работе понимаются речевые сбои, обнаруживающие в себе неправильное (с точки зрения контекста или грамматики языка) употребление какой-либо формы слова, ср.:

- 11) *значит у нас появился рыжих рыжий кот который воровал у нас всё что можно* [САТ; 31В; пересказ сюж.];
- 12) *с нашей кто-то / с нашего учёного совета могут кто-то сделать // # вы знаете что ? да возьмите вы вот такую вот (эту самую) хорошую какую-нибудь / (...) замозочку* [ОРД; И14].

Представленные контексты демонстрируют, что в процессе порождения речи говорящий может столкнуться с грамматическими проблемами

разного типа. Так, речевой сбой в примере (11) заключается в неправильном выборе формы числа и падежа имени прилагательного: Р./В. п., мн. ч. (*рыжих*) вм. И. п., ед. ч. (*рыжий*). В следующем же примере (12) ошибка заключается в неправильном употреблении формы рода местоименного прилагательного: *с нашей* вм. *с нашей-го*. Последующее определяемое существительное *совета* проясняет причину этой оговорки: не исключено, что сначала говорящий думал о *кафедре*, а не о *совете*.

Грамматические оговорки, так же как лексические, составили 37 % материала пользовательского подкорпуса (см. рисунок), что вполне соответствует наблюдениям других исследователей, ср.: «Из 500 различного рода “неправильностей”, встретившихся в устной спонтанной речи на русском языке, 120 – почти четверть – связаны с нестандартным оформлением словоформы в различных морфологических категориях.<...> Это неудивительно: механизмы речевой деятельности, связанные с морфологическим оформлением словоформы, являются, с одной стороны, неотъемлемой частью синтаксирования, а с другой – действуют в рамках слова» [Русакова 2012: 40].

Несмотря на то что и в монологе, и в диалоге количество грамматических оговорок абсолютно равно (по 38 единиц в каждом случае), их частотность существенно различается: средняя вероятность появления грамматической оговорки в диалоге составила 0,02 %, в монологе же, где информантов было практически в два раза больше, – 0,045 %. Это может быть связано как с более высоким темпом диалогической речи, так и с тем, что в диалоге говорящий, скорее, стремится лучше донести информацию до собеседника, чем контролировать свою речь. Диалогическая речь информантов ОРД в принципе более естественна (и менее устойчива перед возможными ошибками), чем экспериментальная монологическая речь информантов САТ (о степенях естественности спонтанной речи см.: [Звуковой корпус... 2013]).

И снова можно предположить, что одной из причин появления грамматических речевых сбоев является частотность той или иной словоформы. Источником искомой информации послужил «Частотный словарь словоформ русского языка (проект)» А. В. Венцова и Е. В. Грудевой [Венцов, Грудева 2008] – «первая в истории составления частотных словарей русского языка попытка организовать по частоте встречаемости не лексемы, а акцентно размеченные словоформы» [там же: 2]. Попробуем проверить на материале пользовательского подкорпуса и эту гипотезу.

14) *мы () это самое уже / *П вчера / в... они вышли из зала заседания // *П я говорит ... *П я говорю / Коля / тебя прессыют // *П я говорю / а чего ты правду не скажешь ? что твоя мать ... @ *Н ты ему как бы жена* [ОРД; ИБ].

Реализация оговорки посредством неправильного употребления формы лица представлена в примере (14). Говорящий произносит местоимение *я*, но за ним следует глагол-сказуемое, не согласованное по лицу с подлежащим (*говорит*). Объяснить причины появления такого речевого сбоя можно двумя взаимосвязанными факторами. Во-первых, это возможное влияние того факта, что в устной речи (особенно в непубличных ситуациях) человек часто передает слова другого, употребляя при этом маркер-ксенопоказатель *говорит*. Кроме того (во-вторых), по данным «Частотного словаря словоформ...», эта форма оказывается в два раза частотнее формы *говорю*.

15) *а(:) с переплётом ? я сегодня не сдала / но я буду завтра / срочно сдела... делать это* [ОРД; И14].

В примере (15) говорящий неправильно использует глаголы *сделать/делать*, составляющие видовую пару. По данным «Частотного словаря словоформ...», глагол *сделать* оказывается менее употребительным, однако именно с него говорящий начинает «выбор» правильной формы в своей реплике. Хотя после уже произнесенного *буду*, первого компонента аналитической формы будущего времени, он, конечно, должен использовать форму *делать*, а не *сделать*. Ср., впрочем, наблюдения М. В. Воронец: «Вне зависимости от типа контекста несовершенный вид используется, если говорящему нужно привлечь внимание к самому действию. Когда достаточно указания на предел, после которого наступило новое состояние, выбирается глагол совершенного вида» [Воронец 2015: 24]. С учетом этого наблюдения можно предположить, что в конкретном примере говорящий, заранее уверенный в выполнении обещанного и под влиянием наречия *завтра*, т. е. некоего временного предела действия, использует именно глагол совершенного вида.

Впрочем, думается, что вопрос о влиянии частотности грамматических форм на их употребление в случаях речевого сбоя (при появлении грамматической оговорки) предстоит проработать еще тщательнее.

5. Заключение

Устная спонтанная речь может быть описана с разных точек зрения. Современные речевые корпусы способствуют развитию лингвистики в этом направлении. В частности, исследование таких специфических компонентов СР, как ого-

ворки, представляется важным объектом внимания коллоквиалистов. Анализ материала пользовательского подкорпуса в настоящем исследовании позволяет сделать вывод, что оговорки, особенно фонетические и грамматические, в монологе появляются в среднем в два раза чаще, чем в диалогической речи. Это может быть связано со спецификой корпуса САТ (информанты выполняют речевое задание), что приводит к излишней тщательности и порой к гиперкоррекции. Кроме того, появление оговорок может быть объяснено различными причинами. Главной причиной фонетических оговорок становится влияние работы артикуляционного аппарата и фонетического контекста, причина лексических и отчасти грамматических оговорок – частотность того или иного слова или формы в языке в целом.

Говоря о практической значимости исследования оговорок в устном дискурсе, можно отметить, что это важно, например, для совершенствования систем автоматического распознавания речи. Так, в западной литературе не раз отмечалось, что если дискурсивные маркеры, будучи информативно значимыми речевыми фрагментами, часто являются вполне надежными индикаторами смысловых границ и облегчают работу программ распознавания, то другие явления разговорной речи, напротив, затрудняют ее и даже создают серьезные проблемы для разработчиков таких программ: например, междометия, заполненные паузы хезитации, выражения, не являющиеся предложениями в классическом понимании (в том числе оговорки), и др. [Ward 1989; Popescu-Belis, Zufferey 2011; Beliaou, Lacheret 2013].

В перспективах настоящего исследования – установление корреляции между различными типами оговорок, с одной стороны, и характеристиками говорящего (гендер, возраст, профессия, психотип, темп речи и проч.), а также характеристиками коммуникативной ситуации (ее место, наличие собеседника, социальные роли говорящих и проч.) – с другой.

Примечания

¹ Ср. и другое значение слова *оговорка*: ‘разъяснительное замечание, поправка, дополнение к сказанному или написанному’ [Ефремова 2005: 155; 2000: 298], но это значение нас в данном случае не интересует.

² Под разрядом *оговорки* в работе понимается принадлежность речевого сбоя к тому или иному уровню языка.

³ Все примеры в работе атрибутируются с указанием корпуса (САТ или ОРД), а также номера информанта: И1, И2 и т. д. Для материала

САТ рядом с номером информанта указывается также уровень его речевой компетенции (УРК): А (высокий, врачи-преподаватели), Б (средний, практикующие врачи) и В (низкий, медсестры). Подробнее о составе информантов-медиков см.: [Бродт 2007; Звуковой корпус... 2013]. Для текстов из САТ атрибуция содержит также указание на тип монолога: пересказ прочитанного текста (сюжетного или несюжетного), описание изображения (сюжетного или несюжетного), свободный рассказ.

⁴ О специальных обозначениях в расшифровках (конвенциях дискурсивной транскрипции) ОРД см. подробнее: [Русский язык... 2016: 242–243].

⁵ Случаев такого рода, когда оговорка может быть отнесена сразу к нескольким разрядам, в материале исследования оказалось достаточно много. При подсчетах такие оговорки учитывались дважды.

⁶ Знак # в расшифровках ОРД означает меню говорящих, знак @ – наложение их речи. В атрибуции ко всем таким примерам указывается не только информант (И), но и его собеседники: М (мужчина), Ж (женщина) или Р (ребенок).

⁷ «Картина – 1. Произведение живописи. 2. То же, что фильм. 3. Изображение чего-н. в художественном произведении. 4. То, что можно видеть, обозреть или представлять себе в конкретных образах. 5. Вид, состояние, положение чего-н.» [Ожегов, Шведова 1999: 654].

⁸ Ср.: «...наличие микрофона влияет определенным образом на говорящего. Он оформляет свою речь более тщательно. Это касается прежде всего фонетики (для речи в микрофон характерно “дикторское” произношение), а также синтаксиса (меньше перестроек на ходу, самоперебивов, поправок, колебаний и проч.)» [Земская 1988: 24]. Л. В. Бондарко относит подобную речь к виду «тщательной» речевой деятельности [Бондарко 1998: 258–259].

⁹ О *прагматических маркерах*, или *прагматемах*, см., например: [Богданова-Бегларян 2014]. Об изобразительной функции слова *такой* см.: [Шклярчук 2018].

Список литературы

Богданова Н. В., Бродт И. С., Куканова В. В., Павлова О. В., Сапунова Е. М., Филиппова Н. С. О «корпусе» текстов живой речи: принципы формирования и возможности описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2008) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: РГГУ, 2008. Вып. 7 (14). С. 57–61.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Россий-

ская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3(27). С. 7–20.

Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków, 2015. Вып. 2. С. 357–372.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скредин. СПб.: Политехника-принт, 2017а. С. 14–20.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д. Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстоотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скредин. СПб.: Политехника-принт, 2017б. С. 8–13.

Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. 276 с.

Бродт И. С. Спонтанный монолог в лингвистическом и социолингвистическом аспектах (на материале текстов разного типа): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 289 с. (машинопись).

Венцов А. В., Грудева Е. В. Частотный словарь словоформ русского языка: Проект. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2008. 204 с.

Воронец М. В. Выбор глагола в условиях конкуренции видов // Вестник Томского государственного университета. 2015. Вып. 401. С. 21–27.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. М.: Рус. язык, 2000. Т. 2. 1209 с.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. СПб.: Рус. язык, 2005. Т. 2. 1168 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 5–44.

Ивлева С. В. Лингвосомиотические характеристики комического абсурда: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 23 с.

Кибрик А. А., Подлеская В. И. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоек

как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Сер. 2. № 23. М., 2007. С. 1–39.

Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки слав. культур, 2009. 736 с.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. Т. II. К–О / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. язык, 1986. 736 с.

МАС – Словарь русского языка в 4 т. Том IV. С–Я / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. язык, 1988. 796 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ИТИ Технологии, 1999. 944 с.

Подлеская В. И. «То есть, не убили, а зарезали саблей»: самоисправления говорящего в устных рассказах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). М.: РГГУ, 2014. Вып. 13(20). С. 526–540.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка / ред.: М. Д. Воейкова, Н. Н. Казанский, А. Ю. Русаков, С. С. Сай. М.: Языки слав. культуры, 2012. 568 с.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Уровни языка в речевой деятельности. К проблеме лингвистического обеспечения автоматического распознавания речи / под ред. Л. В. Бондарко. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 260 с.

Шклярчук Е. Я. Какой такой? – об образительности в русской разговорной речи (на примере слова ТАКОЙ) // Русская филология 29: сб. науч. работ молодых филологов. Тарту: Тартуский ун-т, 2018. В печати.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С. 53–92.

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation / V. Matoušek, P. Mautner, (eds.) TSD 2009. LNAI. Vol. 57292009. Springer. Berlin-Heidelberg, 2009. P. 250–257.

Beliaio J., Lacheret A. Disfluency and Discursive Markers: When Prosody and Syntax Plan Discourse

// DiSS 2013: The 6th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech. Stockholm, Sweden, 2013. 54(1). P. 5–9.

Blommaert J. The Cambridge Handbook of Sociolinguistics / ed. by R. Mesthrie. Cambridge, The UK: Cambridge University Press, 2011. P. 122–138.

Popescu-Belis A., Zufferey S. Automatic Identification of Discourse Markers in Dialogues: An In-Depth Study of *Like* and *Well* // Computer Speech and Language, Elsevier, The Netherlands. 2011. Vol. 25, Iss. 3. P. 499–518.

Schegloff E. A. Sequence Organization in Interaction. Cambridge, The UK: Cambridge University Press, 2006. 318 p.

Verdonik D., Rojc M., Stabej M. Annotating Discourse Markers in Spontaneous Speech Corpora on an Example for the Slovenian Language // Language Resources and Evaluation. The Netherlands. 41(2). 2007. P. 147–180.

Ward W. Understanding Spontaneous Speech // Proceeding of the Workshop on Speech and Natural Language. Philadelphia, The USA, 1989. P. 137–141.

References

Bogdanova N. V., Brodt I. S., Kukanova V. V., Pavlova O. V., Sapunova E. M., Filippova N. S. O «korpuse» tekstov zhivoy rechi: printsipy formirovaniya vozmozhnosti opisaniya [On the ‘Corpus’ of Texts of Live Speech: Principles of Formation and Possibilities of Description]. *Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii. Vyp. 7 (14). Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii ‘Dialog’ (2008)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Issue 7 (14). Proceedings of the annual international conference ‘Dialogue’ (2008)]. Ed. by A. E. Kibrik. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2008, pp. 57–61. (In Russ.).

Bogdanova-Beglarian N. V. Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 3(27), pp. 7–20. (In Russ.).

Bogdanova-Beglarian N. V., Asinovskiy A. S., Blinova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Sherstinova T. Yu. Zvukovoy korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoy rechi [Speech corpus of the Russian language: a new methodology for analyzing oral speech]. *Yazyk i metod: russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka. Vyp. 2* [Language and Method: The Russian Language in the Linguistic Studies of the 21st Century. Issue 2]. Ed. by D. Shumska, K. Ozga. Krakow, 2015, pp. 357–372. (In Russ.).

Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya. Korpus «Odn rechevoy den'» v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoy variativnosti russkoy razgovornoy rechi [Corpus ‘One Speaker’s Day’ in studies of sociolinguistic variability of Russian colloquial speech]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3-2017). Trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminarina* [Analysis of spoken Russian speech (AR3-2017). Proceedings of the 7th interdisciplinary seminar]. Ed. by D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. St. Petersburg, Politeknika-Print Publ., 2017a, pp. 14–20. (In Russ.).

Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Zaidies K. D. Korpus «Sbalansirovannaya Annotirovannaya Tekstoteka»: metodika mnogourovnevnogo analiza russkoy monologicheskoy rechi [Corpus ‘Balanced Annotated Collection of Texts’: a methodology of multilevel analysis of Russian monological speech]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3-2017). Trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminarina* [Analysis of spoken Russian speech (AR3-2017). Proceedings of the 7th interdisciplinary seminar]. Ed. by D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. St. Petersburg, Politeknika-Print Publ., 2017b, pp. 8–13. (In Russ.).

Bondarko L. V. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of the Modern Russian Language]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 1998. 276 p. (In Russ.).

Brodt I. S. *Spontannyy monolog v lingvisticheskoy i sotsiolingvisticheskoy aspektakh (na materiale tekstov raznogo tipa)*. Diss. kand. filol. nauk [Spontaneous Monologue in Linguistic and Sociolinguistic Aspects (based on texts of different types). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2007. 289 p. (In Russ.).

Ventsov A. V., Grudeva E. V. *Chastotnyy slovar' slovoform russkogo yazyka: Proekt* [The frequency dictionary of Russian word forms: Project]. Cherepovets, Cherepovets State University Press, 2008. 204 p. (In Russ.).

Voronets M. V. Vybor glagola v usloviakh konkurentssii vidov [Verb choice in aspectual competition]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2015, issue 401, pp. 21–27. (In Russ.).

Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy. V 2 t.* [The new dictionary of the Russian language. The explanatory and derivational dictionary. In 2 vols.]. Moscow, Publishing House ‘Russian Language’, 2000, vol. 2. 1209 p. (In Russ.).

Efremova T. F. *Sovremennyye tolkovyye slovar' russkogo yazyka. V 3 t.* [The modern explanatory dictionary of the Russian language. In 3 vols.]. Moscow, Publishing House ‘Russian Language’, 2005, vol. 2. 1148 p. (In Russ.).

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi: kollektivnaya monografiya. Chast' I. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech corpus as a material for the Russian speech analysis: collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg, Faculty of Philology of SPbU Publ., 2013. 532 p. (In Russ.).

Zemskaya E. A. *Gorodskaya ustnaya rech' i zadachi ee izucheniya* [Urban oral speech and objectives of studying it]. Ed. by D. N. Shmelev, E. A. Zemskaya. Moscow, Nauka Publ., 1988. 544 p. (In Russ.).

Ivleva S. V. *Lingvosemioticheskie kharakteristiki komicheskogo absurda*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Linguistic and semiotic characteristics of comic absurdity. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2010. 148 p. (In Russ.).

Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. Samoispavlenie govoryashchego i drugie tipy rechevykh sboev kak ob"ekt annotirovaniya v korpusakh ustnoy rechi. Nauchno-tehnicheskaya informatsiya [Speaker's self-corrections and other types of speech disruptions as an object of annotation in corpuses of oral speech]. *Nauchno-Tekhnicheskaya Informatsiya* [Scientific and Technical Information]. 2007, ser. 2, issue 23, pp. 1–39. (In Russ.).

Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds.) *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night dream stories: a corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow, LRC Publishing House, 2009. 733 p. (In Russ.).

Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [The frequency dictionary of the modern Russian language (on the materials of the National Corpus of the Russian language)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. 1112 p. (In Russ.).

MAS – Slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh [The dictionary of the Russian language in 4 vols.]. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1986, vol. 2. K-O. 736 p. (In Russ.).

MAS – Slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh [The dictionary of the Russian language in 4 vols.]. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1986, vol. 4. S-Ya. 796 p. (In Russ.).

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. 4th edition. Moscow, ITI Tekhnologii Publ., 1999. 944 p. (In Russ.).

Podlesskaya V. I. «To est', ne ubili, a zarezali sabley»: samoispavleniya govoryashchego v ustnykh rasskazakh [‘That is, not Killed, but Stabbed with a Sword’: Self-Correction of the Speaker in Oral Stories]. *Komp'yuternaya Lingvistika i Intellek-*

tual'nue Tekhnologii. Vyp. 13(20). Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii 'Dialog' (2008). (Bekasovo, 4–8 iyunya 2014 g.) [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Issue 13(20). Proceedings of the annual international conference ‘Dialogue’ (2008). (Bekasovo, 4–8 June 2014)]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2014, pp. 526–540. (In Russ.).

Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [Elements of the Anthropocentric Grammar of the Russian Language]. Moscow, LRC Publishing House, 2012. 568 p. (In Russ.).

Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh. Kollektivnaya monografiya [Everyday Russian language in different social groups. Collective monograph]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg, Laika Publ., 2016. 244 p. (In Russ.).

Urovni yazyka v rechevoy deyatel'nosti. K probleme lingvisticheskogo obespecheniya avtomaticheskogo raspoznavaniya rechi [Levels of language in speech activity. To the problem of linguistic support for automatic speech recognition]. Ed. by L. V. Bondarko. Leningrad, Leningrad State University Press, 1986. 260 p. (In Russ.).

Shklyaruk E. Ya. *Kakoy takoy? – ob izobrazitel'nosti v russkoy razgovornoy rechi (na primere slova TAKOY)* [What a kind of such? – on figurativeness in Russian colloquial speech (by the example of the word TAKOY <such>)]. Tartu, 2018. In print. (In Russ.).

Shcherba L. V. *Opyt obshchey teorii leksikografii* [The experience of the general theory of lexicography]. Leningrad, 1958, pp. 53–92. (In Russ.).

Asinovskiy A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation; V. Matoušek, P. Mautner, (eds.) TSD 2009. LNAI. Vol. 57292009. Springer. Berlin-Heidelberg, 2009. P. 250–257.

Beliao J., Lachere A. Disfluency and Discursive Markers: When Prosody and Syntax Plan Discourse. *DiSS 2013: The 6th Workshop on Disfluency in Spontaneous Speech*, Stockholm, 2013, 54 (1), pp. 5–9. (In Eng.).

Blommaert J. *The Cambridge Handbook of Sociolinguistics*. Ed. by R. Mesthrie. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 122–138. (In Eng.).

Popescu-Belis A., Zufferey S. Automatic Identification of Discourse Markers in Dialogues: An In-Depth Study of Like and Well. *Computer Speech and Language, Elsevier*, 2011, vol. 25, issue 3, pp. 499–518. (In Eng.).

Schegloff E. A. *Sequence Organization in Interaction*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 318 p. (In Eng.)

Verdonik D., Rojc M., Stabej M. Annotating Discourse Markers in Spontaneous Speech Corpora on an Example for the Slovenian Language. *Lan-*

guage Resources and Evaluation, 2007, 41(2), pp. 147–180. (In Eng.).

Ward W. Understanding Spontaneous Speech. *Proceeding of the Workshop on Speech and Natural Language*. Philadelphia, 1989, pp. 137–141. (In Eng.).

SLIPS OF THE TONGUE AS A SPECIFIC COMPONENT OF ORAL SPONTANEOUS SPEECH (Monologue vs Dialogue)

Juliya O. Zavadskaya

Student in the Faculty of Philology

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. yuliya.zavadskaya.1997@mail.ru

SPIN-code: 6572-9220

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7894-7657>

ResearcherID: U-4726-2018

Natalia V. Bogdanova-Beglarian

Professor in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. n.bogdanova@spbu.ru

SPIN-code: 6774-0937

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7652-0358>

ResearcherID: M-9042-2013

ScopusID: 56292096800

Submitted 07.11.2018

The study of oral spontaneous speech in any language is impossible without reference to its elements which are usually considered by traditional linguistics to be ‘negative’ material. Analysis of such speech failures committed by native speakers of the Russian language seems necessary in order to get the most complete picture of the current state of the spoken language and, accordingly, the language in the native speaker’s representation. The article analyzes slips of the tongue relating to different levels of language (phonetic, lexical, grammatical), identifies possible reasons for their occurrence. The study was conducted on the basis of two corpuses of oral speech: the corpus of everyday Russian speech ‘One Speaker’s Day’ (ORD, mainly dialogues and polylogues) and a block of speech of physicians from the ‘Balanced Annotated Text Library’ (exclusively monologues). The users’ subcorpus includes 250 units in contexts and is strictly balanced by the ratio of dialogical and monological texts (126 and 124 respectively). Thus, the present study is based on materials that currently most fully and adequately reflect the specific features of oral spontaneous speech in its living manifestation, both monological and dialogical / polylogical. In addition, due to the specific nature of the corpuses used as sources, some conclusions are made about the frequency of the appearance of slips of the tongue in monologues and dialogues separately. This juxtaposition of the two forms of living speech is a significant factor, influencing the appearance of slips of the tongue in different ways. Analysis of the material showed that in a monologue a person makes mistakes more often. Most likely, this is due to the specific features of experimental speech (speech with a visible voice recorder in front of the speaker), which is definitely less natural than everyday communication of the ORD informants.

Key words: colloquial speech; speech corpus; speech failure; slip of the tongue; monologue; dialogue.